

A dramatic fantasy landscape painting. In the foreground, a figure in a dark, hooded cloak stands on a rocky path, looking up at a towering, jagged mountain peak. The mountain is covered in snow and has a small waterfall on its left side. The sky is filled with swirling clouds and many small, dark birds or creatures flying. The ground is covered in autumn foliage, with orange and yellow leaves scattered around. The overall mood is epic and mysterious.

Катрин Ди

Последнее Перерождение: Начало Конца

Катрин Ди

Последнее Перерождение: Начало Конца

<https://litres.ru/74412748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умирал сотни раз. Он видел, как рушились империи и как гасла магия. И каждый раз он возвращался, чтобы снова попытаться всё исправить — и снова потерпеть неудачу.

Но в этой жизни проклятие перерождений даёт ему шанс, которого не было прежде: он помнит всё с самого начала. Теперь у него есть годы на подготовку, чтобы встретить врага лицом к лицу. Однако чем больше Кирьян узнаёт о надвигающейся угрозе, тем яснее понимает: его сила, питаемая памятью прошлых жизней, становится всё менее управляемой.

Мир стоит на пороге катастрофы, и только тот, кто сам боится своей силы, способен его спасти. Но цена победы может оказаться выше, чем он готов заплатить.

Содержание

Глава 1. Опять по новой, да не совсем так же.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Катрин Ди

Последнее Перерождение: Начало Конца

Глава 1. Опять по новой, да не совсем так же.

Тишина. Она была первой, что он почувствовал, когда снова открыл глаза.

Потолок был низкий, закопчённый, с трещиной у правой балки - трещина шла наискосок, как старый шрам. Он никогда прежде не видел этого потолка. Тело знало это точно: ни одного воспоминания о том, чтобы засыпать здесь, ни одного утра под этими стропилами. Чужое. Всё здесь было чужое - и запах сырой соломы из тюфяка, и холод деревянной стены справа, и то, как дым от очага тянулся не в трубу, а немного в сторону, в щель под коньком крыши.

Он поднял руку. Маленькая, бледная с коротко обломанными ногтями. Пятна мозолей не там, где должны быть, - ладонь жила своей жизнью, не его. Пальцы не помнили ни рукояти, ни пера, ни чужого горла. Тело было чистым листом. Пятнадцать лет - это всегда чистый лист. Вот только голова

не была чистой.

Переведя взгляд на трещину в потолке начал считать. Не годы — жизни. Это была его сто тридцать четвёртая. Или сто тридцать пятая — он давно перестал отмечать с точностью. Где-то там, в толще памяти, путались имена, языки, запахи войн и запахи рынков, и лица людей, которых он пережил, потому что такова природа вещей: он всегда переживал.

Снаружи пел петух. Потом замолк. Потом снова. — "Обычно это приходит в восемнадцать," - сказал он себе. - "Иногда в семнадцать. Однажды — в семнадцать с половиной, что считалось из ряда вон." - Сегодня было утро первого дня пятнадцатой зимы этой жизни.

Он лежал, и память уже разворачивалась в нём, как карты, которые долго держали свёрнутыми, — она занимала всё больше места, медленно и неотвратно, пока не стало ясно, что для тела уже не осталось места. Тело было пятнадцатилетним. Память — нет.

"Не норма," — снова сказал он себе, уже чуть холоднее. За дверью слышались шаги. Кто-то двигался по дому с привычной уверенностью человека, который знает, где стоит каждый горшок. Он не двигался. Лежал и перебирал слои — осторожно, как перебирают ветхую ткань, боясь потянуть не ту нить. Вот жизнь, в которой он умер от собственного огня — молодым, глупым, решившим, что у него достаточно сил. Вот жизнь, в которой дошёл до крепости Бальтазара и упёрся в стену, которую не мог разрушить, потому что стена бы-

ла из тел. Вот жизнь, в которой успел собрать союзников — людей и Миркусов, — и они проиграли всё равно, в три дня, аккуратно и бесповоротно. Вот жизнь, которую он прожил тихо и зря, не успев понять, что Бальтазар уже действовал, — а он всё ждал знаков.

Сто тридцать четыре жизни — или сто тридцать пять — и ни разу победы. Хотелось бы сказать, что это давило. Но давление — это когда ещё есть надежда на иное. А когда ты видел одно и то же сто тридцать раз подряд, это перестаёт давить и просто становится фоном. Как трещина в потолке.

"Сто тридцать пятая жизнь. Пятнадцать лет. Память полная. Это не норма." - Он дышал медленно и ровно, прислушиваясь к дому. За дверью звякнул металл. Запахло кашей — пшённой, с чем-то сладким, мёдом или репой. Чужой очаг, чужая каша, чужая крыша над головой. Тело не помнило этой женщины, которая ходила там, за дверью, и не помнило, как называть её матерю. Память помнила.

Он закрыл глаза и стал думать о том, что знал точно: Бальтазар пробуждался в своём цикле так же, как пробуждался он сам — медленно, постепенно, по мере взросления. Это была константа, которая никогда не менялась. Ни в одной из жизней. До сегодняшнего утра. Если он пришёл в сознание в пятнадцать, значит что-то ускорило пробуждение. Его пробуждение — следствие. Причина была в другом месте. Причина была в Бальтазаре, который зачем-то нарушил собственный ритм.

"Почему раньше?" - Вопрос был хорошим. Он не знал ответа — пока. Но вопрос уже лежал внутри, острый и точный, как заноза: не болит, но присутствует постоянно. Он открыл глаза и снова посмотрел на трещину. — "Значит, что-то изменилось," — подумал он. Не с надеждой. Просто как факт, который нужно принять и внести в реестр. — "Бальтазар пришёл раньше. Поэтому я — тоже раньше. Значит, у меня меньше времени. Или больше. Смотря с какой стороны поглядеть."

За дверью звякнуло снова. Голос — женский, негромкий — позвал по имени. Его имя в этой жизни было Кирьян. Он успел к нему привыкнуть ещё до того, как услышал его в первые. Он сел на постели. Все те же маленькие руки. Низкий потолок. Запах пшённой каши и чужого очага. Утро первого дня пятнадцатой зимы. Сто тридцать пятая жизнь началась не так, как все предыдущие. Это могло означать очень многое. Или одно, простое и скверное: что на этот раз всё будет иначе. Он не знал ещё — лучше это или хуже. Встав с постели и найдя на полу рубаху — льняную, застиранную до белизны надев пошел к двери.

* * *

Дверь открылась раньше, чем он успел к ней подойти. — Сынок, ты проснулся? — Голос тёплый. Немного усталый. Обычный голос обычного человека. Он сказал «да» — тихо, не думая, потому что именно такой ответ от него ждали. За сотни жизней он успел выучить этот ритуал наизусть: жен-

щина у двери, запах еды, слово, которое не значит ничего, кроме «я здесь, не беспокойтесь». Она кивнула и ушла обратно к очагу — так, будто убедилась в чём-то важном. Он остался стоять.

На полке у стены стояла лохань с водой — ночная, чуть мутная. Он подошёл и посмотрел вниз. Чужое лицо смотрело на него в ответ. Молодое, без морщин, без шрамов, без ничего. Округлые щёки, тёмные почти угольные волосы, не совсем прямо лежащие. Уши чуть оттопырены — он сразу вспомнил, что в этой жизни его за это дразнили в первый же день у колодца, когда они ещё только переехали. Глаза — серые, с зеленоватым отливом — смотрели на него с совершенно пустым выражением, которое не шло пятнадцатилетнему мальчику.

"Привет," — подумал он, глядя на это лицо. — "Тебе это не понравится." — Тело не знало ничего. Руки без мозолей. Плечи без памяти о доспехах. Позвоночник, который никогда не нёс на себе стального веса и не гнулся под ним. Чистый лист — но внутри на нём уже написано всё, что было до. Он отвёл взгляд от воды. За столом было накрыто по-простому: глиняная миска с кашей — пшённой, с мёдом, он почти угадал, — краюха хлеба, кружка с чем-то травяным. От кружки шёл пар. Мать уже сидела напротив, сложив руки, и смотрела, как он устраивается на лавке.

Добрые глаза. Усталые. Он таких видел много — в разных жизнях, в разных лицах. Усталость у женщин, которые вста-

ют раньше всех и ложатся позже всех, имела один и тот же оттенок. Он умел его распознавать.

— Сегодня ярмарка последний день, — сказала она, подвигая ему хлеб. — Мне нужна мука, мешок, не меньше, и нитки, белые, если остались, если нет мне и серые подойдут. Ты сходишь?

— Да. — Ответил Кирьян спокойно, продолжая жевать кашу.

— Деньги на полке, под кружкой. — Мать указала куда то в сторону стены, — Там хватит. И долго не задерживайся — к обеду жду.

— Хорошо. — Каша была вкусной, чуть пересоленной. Он ел аккуратно, не торопясь, и думал о том, что в этом теле ещё не работают мышцы для долгого боя, что руки ещё не знают, как держать меч, что это всё нужно будет учить заново — весь набор, по кусочку, в обход внимания людей, которые видели бы в нём просто странного мальчишку. Обычно у него было больше время. Восемнадцать лет спокойной жизни до того, как память о прошлом просыпалась и начинался новый цикл. Сейчас времени не было.

"Бальтазар пришёл раньше," — повторил он себе. — "Значит, всё раньше. Значит, этот хлеб и эта каша — уже часть подготовки, а не просто завтрак." — Он отхлебнул из кружки. Мята, что-то ещё — он не разобрал. Запивать горьким сладкое — это было в этом доме традицией, он вспомнил. Она добавляла чабрец в отвар по воскресеньям.

— Ты хорошо спал? — Вопрос прилетел негромко, почти между делом. Он поднял взгляд. Мать смотрела на него. Именно смотрела — не просто поглядывала, как обычно смотрят за завтраком. Что-то в её взгляде было сосредоточенным. Не тревожным. Просто — внимательным.

"Заметила," — понял он сразу. — "Что-то не так, и она это видит. Не знает что. Но видит." — Спал нормально, — сказал Кирьян. Ровно. Без пауз.

— Ты смотришь не так, как вчера. — В ее голосе послышалось волнение и что-то вроде непонимания.

— А как? — Она помолчала. Потрогала край своей кружки. — Не знаю. Иначе. — Он мог бы сказать что-то успокаивающее. Мог бы улыбнуться — не широко, ровно настолько, сколько нужно, — и сказать, что ему просто приснилось что-то странное, и она бы приняла это объяснение, потому что люди всегда принимали самое простое объяснение. За сотни лет он это знал точно.

Вместо этого он отвёл взгляд и посмотрел в окно — там было серое, низкое, утреннее небо. Ярмарочный день. Ярморка, точно! — Мне выходить сейчас или позже? — Тишина была недолгой. Она отпустила его вопрос, не потянула за нитку. — Доешь сначала. — Ответила мать и отвела взгляд в сторону.

Он доел. Отнёс миску в таз с водой и взял деньги с полки — монеты лежали под глиняной кружкой, как мать и сказала, холодные, привычно знакомые на ощупь. В этом коро-

левстве чеканили профиль на лицевой стороне. Он не смотрел, чей. Накинул куртку у двери — шерстяную, тяжёлую, пахнущую чужим домом. Мать напомнила — Мука и белые нитки, — стоя у него за спиной. — Мука и нитки, — повторив ответил он.

Она молчала ещё секунду. Он уже держался за щеколду. — Кирьян. — Он обернулся. Мать стояла у стола, руки опущены, взгляд прямой, совсем не тревожный, просто — живой. — Будь осторожен там. На ярмарках бывает всякое. — Кирьян смотрел на её усталые добрые глаза, на руки, которые с утра уже работали, пока он лежал и считал жизни. На то, как она говорила «будь осторожен» — не как ритуальную фразу, а как что-то, что она действительно имела в виду.

"Она не знает, кто ты есть," — напомнил он себе. — "И это нельзя изменить. И не нужно." — Буду, — пообещав вышел из дома и закрыв за собой дверь двинулся в сторону ярмарки

* * *

На улице было и не солнечно и не пасмурно — просто утро ещё не решившееся стать ни тем, ни другим. Кирьян шёл к ярмарке тем же путём, которым шёл бы любой мальчик в любой деревне в любой из сотен прожитых им жизней. Мимо кузницы — там уже гудело, дым поднимался прямо, без ветра. Мимо двух торговок, которые раскладывали корзины у дороги и переговаривались о чём-то, не глядя на него. Мимо детей — трое гоняли деревянный обруч по обочине, один из них споткнулся, засмеялся, побежал дальше.

Обычное утро. Он видел их сотнями. Разница была в том, что сейчас он смотрел не как мальчик, которым числился. Он смотрел как человек, который умеет читать города — по тому, как стоят люди, где собираются взгляды, что замалчивается на углах. Города, деревни, крепости — они всегда рассказывали правду, если знать, куда смотреть. Слова ввали. Камень и привычка — нет.

Кузнец работал молча. Это было нормально — кузнецы часто работают молча. Торговки переговаривались тихо. Это могло быть нормально. Дети гоняли обруч. Это точно было нормально.

"Пока всё спокойно," — отметил он. — "Пока." — Дойдя до площади у храма Тароса раньше, чем планировал. Храм стоял там же, где стоял всегда в этой деревне — приземистый, каменный, с деревянными воротами, окованными бронзой. Бог ремесленников, границ и договоров. Честный бог. Кирьяну он всегда казался самым утомлённым из пантеона — столько людей клялись его именем, нарушая. Он замедлил шаг. Не из-за храма. Из-за жреца.

Тот стоял у боковой стены и работал коротким шпателем — замазывал трещину в кладке. Трещина шла наискосок, от уровня плеча примерно до колена, и была достаточно широкой, чтобы это было видно с дороги. Известь ещё не схватилась — жрец торопился, движения были мелкие, нервные. Он не посматривал по сторонам. Смотрел только на стену. Кирьян остановился на секунду. Трещина была свежей. Не

осенней — та бы успела потемнеть от влаги. Не старой — края были острыми, не замшелыми. Это произошло недавно. Может, этой ночью.

"Камень не трескается сам," — сказал он себе. — "Только если земля двигается под ним. Или если что-то задело основание." — Прошёл мимо, а жрец даже не поднял головы.

Колодец был в дальнем конце той же площади — старый, с журавлём, оббитым от долгого использования до светлого дерева. У него стояли двое. Не молодые — мужчины лет сорока, в рабочей одежде, без оружия. Один с ведром, другой просто так. Разговаривали вполголоса, стоя вполоборота друг к другу — так стоят люди, которые не хотят, чтобы их слышали. Кирьян подстроил шаг. Не замедлился резко — просто чуть сдвинул траекторию к краю дороги, туда, где булыжник уложен плотнее и шагов почти не слышно.

Слова долетели обрывком. — ...третий за месяц пропал, и все маги... — Он прошёл мимо. Ровно, без паузы, не поворачивая головы. Второй голос что-то ответил — слова он уже не разобрал, только интонацию: низкую, озабоченную. Не испуганную. Озабоченным бывает человек, когда проблема ещё кажется чужой, но уже начинает казаться близкой.

И завернув за угол остановился у стены — поправил куртку, будто она съехала, — и дал себе секунду. — "Третий за месяц. Все маги." — В других жизнях это начиналось позже.

Он помнил — не смутно, а ясно, с той детализацией, которую дают сотни повторений. Охота Бальтазара обычно на-

чиналась тихо. Сперва исчезали одиночки — отшельники, бродячие знахари, люди без семьи и без привязанностей. Те, по кому некому было спрашивать. Это длилось долго — год, иногда два. Потом пропадали те, кто был связан с городами. К тому времени Кирьян обычно успевал дорасти до нормального возраста осознания, осмотреться, понять, где он и что ему нужно делать. Сейчас охота была слышна на деревенском колодце.

Кирьяну было пятнадцать лет. Первое утро с воспоминаниями о жизнях. Он прислонился плечом к стене и смотрел туда, где за домами угадывалась ярмарочная площадь — флаги, голоса, запах дыма и свежего хлеба. — "Раньше," — сказал он себе. — "Он пришёл раньше. Значит, либо что-то дало ему силы, которых не было в прошлый раз, либо он просто решил не ждать. Оба варианта плохие."

Трещина в стене храма Тароса. Жрец с шпателем, который не хочет, чтобы прохожие видели её дольше необходимого. Двое у колодца, считающие магов. Он выровнялся и отлепился от стены. Каждая деталь ложилась на место — не пугая, а именно ложась. Он был слишком стар для того, чтобы пугаться раньше времени. Это было единственное бесспорное преимущество сотен перерождений: паника требует, чтобы ты верил, что происходящее — неожиданность.

Он знал, что это не неожиданность. Просто — раньше. Точно, мука и нитки. Мать дома ждет. И пошёл вперед.

* * *

Ярмарка была шумная — такая, какой и должна быть в погожий осенний день. Запах ударил первым: свежий хлеб, сырая кожа, навоз с ближних загонов, дешёвое масло в светильниках торговцев, расставивших лотки под навесами. Где-то блеяла коза. Ребёнок ныл у юбки матери — та тащила его к рыбному ряду, не глядя, его ли ведёт. Двое мужчин с трудом пятились, неся между собой бочку. Кирьян пропустил их. Встал у края рыночной площади и дал себе момент — не из растерянности, а потому что так всегда делал в первые минуты на незнакомом рынке. Смотрел. Считал.

Зерновые — ближний левый угол. Нитки и ткань — дальше, у каменной стены. Он помнил эту площадь плохо: в прошлых жизнях в этой деревне он не жил. Но рынки везде устроены по одному принципу — тяжёлое к ближним воротам, мелкое вглубь. Он прошёл между рядами.

Мешки с мукой лежали у высокого мужчины с красным носом и цепкими глазами торговца, привыкшего к торгу.

— Пшеничная. Отборная. Шесть медяков за малый мешок. — Четыре. — сказал Кирьян. — Мужчина смерил его взглядом. Мальчишка лет пятнадцати — мелкий ещё, руки тонкие, голос не ломался, но уже не звенел. Не из зажиточных. Торговец, вероятно, ожидал, что мальчишка смутится от своей же наглости. Но Кирьян смотрел на него ровно. Другие мальчишки на его месте, наверное, краснели. Или пытались выглядеть старше, чем есть, и от этого выглядели моложе. Он просто ждал.

— Пять, — сказал торговец. — Пять, — согласился Кирьян. Протянул монеты, взял мешок. Завязал петлей вокруг пояса — так, чтобы не мешал рукам и двинулся дальше — к ниткам — и тут боковым взглядом поймал то, что искать не собирался. Один лоток стоял пустой. Не брошенный второпях, не задвинутый — пустой правильно, как стол, за которым никто не сидел. Нет следов спешки. Нет упавших вещей. Просто место, где кто-то обычно стоит — и сегодня не встал. Он понял, чьё это место, по деревянным крюкам на верхней перекладине: такие используют Миркусы для развески плетёных изделий. Корзины, коврики, верёвки. Кто-то из Хребта Теней торговал здесь, может, годами. А сегодня не пришёл.

Кирьян посмотрел на соседний лоток — немолодая женщина с пучком сена и гербовыми лентами покосилась на пустое место и тут же отвела взгляд. Без удивления. Без тревоги. Именно так — как смотрят на что-то, к чему уже успели привыкнуть. — "Значит, не первый раз." — Он не остановился. Прошёл мимо к каменной стене.

* * *

"Рынок в Волчьей пади. Я там жил — в той жизни, не помню какой по счёту. Сорок второй, сорок восьмой, не важно. Осень. Тоже погожий день. Там тоже был пустой лоток. Я обратил на него внимание, потому что хозяин — старик Миркус с белыми костяными рогами и шрамом через всё лицо — торговал там каждую декаду. Стекланные шарики. Детские

безделушки. Дешёвые, но сделанные с аккуратностью, которую я не мог не заметить. Его не было. Соседи молчали. Люди на рынке ходили мимо так же — не удивляясь. Я подумал тогда: мало ли. Заболел. Задержался. Через две недели исчез кузнец-полукровка с северного конца улицы. Потом — молодая знахарка, которая никому не делала ничего плохого и только чинила вывихи и выводила лихорадку. Потом пустыми стали пять лотков. Потом — десять. Рынок в Волчьей пади закрылся весной. Не от войны. Просто — некому стало торговать."

* * *

Кирьян встал у лотка с нитками. Хозяйка — молодая женщина с цепочкой Леры на шее и чернильным пятном на пальце — разложила мотки по цветам.

— Что ищете? — уточнила женщина с вежливой улыбкой привычной за время торговли. — Белые или серые, если первых нет. — К матереной радости нашлись белые, Кирьян заплатил, и она завернула их в тряпицу. Пока та возилась с узлом, он ждал и думал о том, что пустой лоток на этом рынке стоит в самом хорошем месте. Близко к воротам, на виду. Миркус, торговавший там, платил, наверное, больше, чем мог себе позволить новый торговец, — но платил, потому что место того стоило. Потому что хотел работать. Потому что думал, что это надолго.

"Он не вернётся," — подумал Кирьян. Без злобы. Просто как факт. Хозяйка протянула сверток со словами: — Тарос

вам в дорогу. — И вам, — сказал он забирая покупку. Когда та уже переключилась на следующего покупателя. Он вышел из-под навеса. Мешок с мукой тянул бок. Нитки он сунул в куртку, к груди. Рынок гудел вокруг — голоса, торг, смех где-то за рядами, запах подгоревшего масла. Всё это было живое, настоящее, тёплое. И пустой лоток стоял у ворот, как дыра в зубном ряду. Кирьян помнил слова у колодца. Третий за месяц. Все маги. В Волчьей пади пустые лотки начались с одного. Потом их стало пять. Потом — десять. Здесь пока один.

Он выровнялся, поправил мешок и пошёл к выходу с площади. Шаг ровный, лицо — как у мальчишки, которому дали поручение и который выполнил его и теперь идёт домой. Внутри — новый слой поверх уже имевшегося. Не паника. Просто тяжесть. Та же, что в Волчьей пади, та же, что в двадцати других городах в двадцати других жизнях. — "Раньше," — напомнил он себе. — "На этот раз раньше." — Это что-то значило. Он пока не понял что. Но узнает.

* * *

Домой он шёл медленнее, чем надо. Не потому что устал — хотя устал тоже, мешок с мукой не становился легче, а тело в этот раз досталось некрупное, привыкнуть к нему пятнадцатилетнему он ещё не успел. Просто не было нужды торопиться. Мать ждала нитки и муку. Ни то, ни другое не испортится за лишние четверть часа.

Дорога из посёлка шла через поле, потом сворачивала в

сторону реки. Пыль под ногами успела осесть — ветер стих ещё до полудня. Небо из белёсого стало синим, почти холодным. Он шёл и думал. Мысли сами лезли в голову. — "Значит, вот что имеем. Бальтазар активен. Это не слух и не чужая тревога" — он видел пустые лотки, слышал слова у колодца, складывал одно к одному так, как умеет человек, проживший несколько сотен жизней и привыкший читать знаки раньше, чем те успевают сложиться в слова. Маги исчезают. Полукровки. Сильные Миркусы. Не все сразу — по одному, по двое, тихо, так, чтобы соседи не успели беспокоиться. Чтобы рынок закрылся не от войны, а просто — некому стало торговать. Якоря запущены. Где-то. Он не знал сколько и где именно — это предстояло узнать, и в прошлых жизнях на это уходили годы. Годов не было. — "Раньше," — напомнил он себе снова. В который раз за сегодня, он не считал какой.

Память проснулась в первое же утро пятнадцати лет. Не в восемнадцать — А на целых три года раньше привычного. Такого не случалось никогда. Ни в одной из жизней. Это могло означать только одно: Бальтазар пришёл раньше. И цикл — исчерпан. Последняя жизнь. Он сказал это себе ровно, без украшений, как констатируют долг перед сборщиком податей. Интересно было другое.

В прошлых жизнях смерть была — неудобством. Не страшным, не приятным — просто следующей страницей. Он умирал от своей же магии, от усталости, от чужих мечей, один раз — просто упал с лестницы в темноте, что было уни-

зительно, но и только. Каждый раз под конец он знал: будет ещё одна попытка. Ещё одно утро в чужом теле. Ещё один шанс сделать лучше.

Сейчас — нет. Это должно было пугать. Он прислушался к себе. Нет, не пугало. Было что-то другое — тихое, почти незнакомое. Как будто долго шёл с грузом и вдруг понял, что дошёл до места, где его можно поставить. Он не знал, как это называется. Может, просто усталость. Дорога вывела к развилке. Левая уходила к реке и к дому. Правая — вперёд, мимо редкого сосняка, мимо пустоши, к горизонту. Туда, где через дни и месяцы будет Хребет Теней. Где в пещерах под горами хранятся источники, которые Бальтазар уже начал выжигать. Где в конце концов будет всё, к чему эта жизнь неизбежно идёт. Он смотрел на правую дорогу. Она выглядела как все дороги — пыльная, в колеях от повозок, с сухой травой по краям. Ничего особенного.

"Успею ещё насмотреться," — подумал он и перевёл взгляд. Тогда память дала ему картинку. Без предупреждения, как всегда. Ярмарочная площадь. Та, что была — он не помнил точно, в какой жизни, города путались, столетия наслаивались друг на друга. Но площадь он видел ясно: пыль, жара, толпа, сбившаяся в кольцо. Внутри — кто-то. Под ногами. Голоса: "чужак, нечисть, убирайся." Обычное дело. А он шёл мимо. С покупками. С делами. С внутренним монологом о том, что одному против толпы — не выход, что связываться — значит привлекать внимание, что его работа

важнее, что никто не просил. Всегда походил мимо. И тот человек — он не знал, выжил ли он или нет, но он никогда не оглядывался

Сколько раз? Он попробовал вспомнить. Потерял счёт быстро. Это была не вина. Он слишком давно жил, чтобы носить каждое такое воспоминание как открытую рану. Это было — наблюдение. Факт о себе. Человек, который знает, что у него есть следующая жизнь, считает иначе, чем человек, у которого её нет. Интересно было — пройдёт ли снова. Он постоял ещё немного. Ветер тронул траву у дороги, прошёлся холодком по затылку.

"Пятнадцать лет," — подумал он. — "Тело маленькое, память огромная. Времени меньше, чем когда-либо. Бальтазар уже работает." И — последней, тихой: "Ощущение что следующего утра не будет." Это была не паника. Это была — ясность. Редкая, почти незнакомая. Как воздух после грозы. Поправив мешок, взял в другую руку, чтобы не оттягивало плечо, и пошёл налево. К реке. К дому. К матери, которая ждала нитки и муку и не знала ничего из того, что он только что думал. Дорога была пустая. Небо синело. Трава по краям стояла тихо. Он шёл и думал: в прошлый раз он прошёл мимо. Это он знал точно.

В этот раз — посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.